

Тайны древних цивилизаций

Том 1

Сборник статей
Тайны древних
цивилизаций. Том 1
Серия «Интересно о важном»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3364305

*Тайны древних цивилизаций: Сборник статей. Том 1.: Новый Акрополь;
Москва; 2011*

ISBN 978-5-91896-029-5

Аннотация

В сборник вошли статьи, посвященные разным граням древних цивилизаций мира: археоастрономии, религии, символизму, традициям. В первом томе особое внимание уделяется символизму древних культур. Отдельно рассматриваются культуры Древнего Востока (Япония, Китай, Индия, Тибет), а также следы древних цивилизаций на территории России. Статьи эти на протяжении более чем 10 лет публиковались в журналах «Новый Акрополь» и «Человек без границ» и неизменно вызывали огромный читательский интерес.

Содержание

Мудрость древних	4
Психологические знания в древности	5
Символизм храма	25
Дорога воспоминаний	27
Иное пространство	28
За порогом обыкновенного	30
Пространство чистое и стабильное	32
Необыкновенное	33
Центр мира	40
Изначальность храма	43
Образ мира	45
Инициатический театр	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тайны древних цивилизаций. Том 1

Мудрость древних

Психологические знания в древности

Хорхе Анхель Ливрага,

основатель философской школы

«Новый Акрополь» (Лекция)

Сегодня мы поговорим о психологии в древние времена. По правде сказать, мы вообще не можем вести речь о психологии в современном понимании этого слова, поскольку психология, или изучение души, – это относительно новая дисциплина. Иными словами, западная цивилизация систематически занималась вопросами психологии лишь в последние 150 лет. До этого все явления, которые мы сегодня относим к области психологии, связывались непосредственно с душой и сферой религии, а с приходом в конце XVIII века материализма эпохи Просвещения их рассматривали исключительно как феномены, проистекающие из материи. Таким образом, проблемы психологии не рассматривались отдельно.

Мнение в мире подобно маятнику. На смену периодам высокой духовности, полной религиозной замкнутости приходят, наоборот, периоды открытости, или замкнутости материалистической. Другими словами, то, что утверждалось четыреста лет назад, сто лет назад отрицалось, а сегодня вновь принимается. Приведу убедительный пример, который всем нам хорошо известен: применение гипноза в медицине. Ис-

пользование гипноза как медицинского средства, как элемента медицины имело место во всех цивилизациях древности, о чем свидетельствует большое число папирусов, книг, палимпсестов¹. Тем не менее в течение 200 лет эта практика полностью отрицалась, и только начиная с исследований в Сальпетриере² этому вопросу была вновь возвращена значимость. Лишь во второй половине XX века гипноз был вновь признан как медицинское средство.

Как мы видим, сознание человечества, его воззрения меняются кардинально. Поэтому, говоря о психологии в древности, мы имеем в виду не современную психологию – то есть то, что сегодня понимается под словом «психология» и, как я уже сказал, имеет возраст не более двухсот лет, – а изучение плана психики, проводившееся в древности. Сегодня нам известно огромное количество культур и цивилизаций, и в ходе нашей краткой беседы было бы, очевидно, затруднительно охватить все познания древности в области психологии – крайне затруднительно, если вообще возможно. Поэтому мы обратимся лишь к некоторым культурам, где можем получить больше информации. Возьмем в качестве примера Восток и, в частности, Индию.

Не вызывает сомнений, что психология наряду с парапси-

---

¹ Рукопись на пергаменте поверх смытого или стертого текста. – *Прим. ред.*

² – Известное лечебное заведение в Париже, построенное по приказу Людовика XIV, Короля-Солнце, как отделение городской лечебницы, предназначенное для парижских нищих. Впоследствии станет одной из больниц, где начались исследования и лечение заболеваний, связанных с расстройством психики.

хологией – модной сегодня на Западе, хотя имеющей очень глубокие корни – в самых древних цивилизациях Востока всегда рассматривалась как самая важная сфера. Для древних, в отличие от современных исследователей, не существовало никакой разницы между психологией и парапсихологией. Слово «парапсихология» («то, что за пределами психологии») само по себе ни о чем не говорит. Парапсихология – это наука, которая изучает явления, выходящие за рамки общепринятой психологии. Это как если кто-нибудь из вас меня спросит: «Что за этой стеной?», и я отвечу: «То, что за стеной». Иначе говоря, словом «парапсихология» мы не выражаем абсолютно ничего.

В древности эти две формы были составной частью изучения человека, человека как целостного существа. Все цивилизации древности рассматривали физического человека как отражение человека внутреннего, или тонкого человека. Это не соответствует современным воззрениям, поскольку даже мы, идеалисты, говорим: «У меня есть душа». Когда я говорю: «У меня есть душа», где находится моя точка сознания? В душе или в теле? Очевидно, в теле, поскольку я говорю: «У меня есть душа», а не «У меня есть тело». Следовательно, мы должны признать, что в древности точка отсчета была совершенно другой.

Для древних народов, например для индийцев, не существовало души, служащей телу, а существовало тело, служащее душе. Более того, само разделение на тело и душу и, да-

лее, на дух, душу и тело, которое проводим мы, было им абсолютно неизвестно. Их классификация была намного сложнее и богаче. Согласно тому, что мы можем почерпнуть из древнеиндийских книг, например из *Вишну-пураны*, *Упанишад*, *Махабхараты* и др., воззрения философов и мистиков Востока – проведших исчерпывающие исследования феномена человека не только в части физической, но и в том, что мы назвали бы частью метафизической, то есть в том, что выходит за пределы меры и веса, – предполагали семеричное деление, наличие у человека семи тел.

Прежде всего, следует отметить, что человек на Востоке никогда не воспринимался как нечто подлежащее определению. Человек в высшем понимании, человек-принцип не подпадал полностью ни под какие дефиниции. Поскольку разуму не удавалось зафиксировать его, заключить в определенные границы, поставить для него четкие рамки, – человек был чем-то абсолютно неопределимым. Человек понимался как нечто заключающее в себе таинство неопределенности, то есть то, что находится за пределами формы. На санскрите это называлось миром *аруны*, миром без формы, в противоположность другому таинству, миру *руны* – миру формальному, который можно потрогать, ударить, но который, тем не менее, является эфемерным.

Взглянем, к примеру, на этот микрофон, который помогает мне с вами разговаривать: очевидно, что пятьдесят лет назад его не было и через пятьдесят лет его не будет. Для

восточной мысли этот микрофон, в таком случае, лишен реальности, он обладает сиюминутной, минимальной реальностью, поскольку подвержен законам начала и конца. Для восточных философов единственно реальным будет то, что не подвержено законам начала и конца. И единственное, что не подчиняется этим законам, – это, очевидно, Изначальная Тайна, причина всего сущего, назовем ли мы ее Богом, Атманом или Парабрахманом.

Согласно воззрениям индийцев, человек, пребывая на Земле, состоит из семи тел. Они считали, что вся Природа действует в семи измерениях, и человек, имея семь средств выражения, не является исключением в Природе. Напротив, эти семь тел – не что иное как следы, которые оставляет человек в этих семи измерениях. Если мы представим себе эти семь измерений как семь дощечек, положенных одна на другую, и мысленно прострелим их насквозь стрелой или пулей, то обнаружим, что останется семь отверстий. Их семь не потому, что пуля или стрела изначально несут в себе некую семеричность, а потому что пуля или стрела прошли через семь плоскостей – семь планов сознания. Если бы вместо семи плоскостей было восемь, осталось бы восемь отверстий, если бы вместо семи их было пять – осталось бы пять. Иными словами, восточные мудрецы, вопреки устоявшемуся мнению, никогда не определяли внутреннюю сущность человека ни как семеричную, ни как пятеричную, ни как четверичную. Но они считали, что эта сущность погружена в тайну,

тайну ничем не угнетенного разума, *Тайджаси*, не уместяющегося ни в какие границы. Но поскольку они воспринимали Вселенную, состоящую из семи измерений, начиная с части чисто физической, или *руны*, и кончая чисто метафизической, или *арупой*, они полагали, что человек, пребывая в этих семи измерениях, создавал семь образов, проделывал семь отверстий в этих семи измерениях и, для того чтобы выразить себя, создавал своего рода семь лодок или семь носителей, «проводников».

Согласно представлениям древних индийцев, существовали как бы две большие группы таких «проводников». Одна группа принадлежала к миру *руны*, или формальному миру, миру преходящего. И три «проводника» принадлежали миру высшего, миру бессмертного, миру непреходящего. Для них существовал таинственный элемент, *Атман*, который неизвестно откуда приходит и неизвестно куда идет, чьим первым проявлением на наиболее духовном плане будет *Атма*. *Атма* – если попытаться перевести это слово, хотя перевести очень трудно, – обозначает Дух, Волю Постоянства в чистом смысле слова, но лишённую формы, лишённую ограничений, лежащую за пределами постижимого. Это первый «проводник» на наиболее тонком плане человеческой психологии.

Второй «проводник», называемый *Буддхи* или *Буддх*, что примерно означает «проводник Света», позднее встречается в буддизме, религии, вышедшей из брахманизма и ведиз-

ма и внесшей значительный вклад в развитие теории Пространства Света, или *Буддха*. *Буддхи* – это «проводник», благодаря которому человек обладает интуицией, может получать знания о вещах за пределами времени и пространства. У древних индийцев существовал ряд дисциплин, благодаря которым человек мог воспринимать то, что передавалось ему от Буддхи, этого «проводника», позволяющего общаться на расстоянии, понимать те или иные вещи на расстоянии или понимать их *a priori*. Не прибегать, к примеру, к разного рода рассуждениям и силлогизмам для того, чтобы понять идею, а просто направить сознание на эту идею и сразу ее уловить. Чтобы лучше это себе представить, скажем, что это чем-то напоминает наше эстетическое восприятие искусства. Иными словами, когда мы впервые видим Парфенон или прекрасную статую – предположим, Венеры Милосской или Ники Самофракийской, – мы не рассуждаем и не говорим: «У этого произведения такие-то размеры, такой-то вес, такие-то пропорции, оно сделано из пантелейского мрамора³, обладает такими-то характеристиками, и поэтому оно прекрасно». Нет, оно производит на нас впечатление, потому что оно прекрасно. Затем наступит черед ряда оценок, которые частично либо полностью подтвердят то, что мы уже оценили интуитивно, инстинктивно, если слово «инстинкт» уместно на таких высоких планах.

Третий «проводник», который выделяли индийцы, – *Ма-*

---

³ Мрамор с горы Пантеликос в Афинах. – *Прим. ред.*

нас, или «разум». Корень «ман» почти во всех древних языках означал и «человек», и «ум». Но это ум, не ограниченный никакими материальными рамками, – не будем забывать, что речь идет об одном из трех высших принципов. Это именно то, что дает человеку возможность улавливать альтруистические идеи, воспринимать чисто метафизические явления за пределами того, что происходит в его физическом мире. Этот Манас, идущий от корня *Тайджаси*, соединяется посредством мостика, или связующей нити, которую на санскрите называют *Антакарана*, с нижней частью, *камой*. Это соединение получило название *кама-манас*. Это также «проводник» ума, но ума желаний, того ума, который мы используем в делах, ума, который спекулирует эгоистическими целями, ума, который подсчитывает, что нужно, чтобы выжить в этом мире.

Следуя глубинной психологии индийцев, с этим последним «проводником» мы вступаем в нижнюю четверицу. Под *кама-манасом* находится еще один «проводник», называемый «*линга шарира*». *Линга шарира* – это как бы психическая форма, созданная из эмоций. Иными словами, комплекс наших эмоций, комплекс наших страстей, комплекс наших желаний и составляет *линга шариру*, которая, по мнению древних, представляет собой призрачные формы, остающиеся некоторое время после смерти человека рядом с его близкими.

Еще ниже этого «проводника» находится другой, *прана*

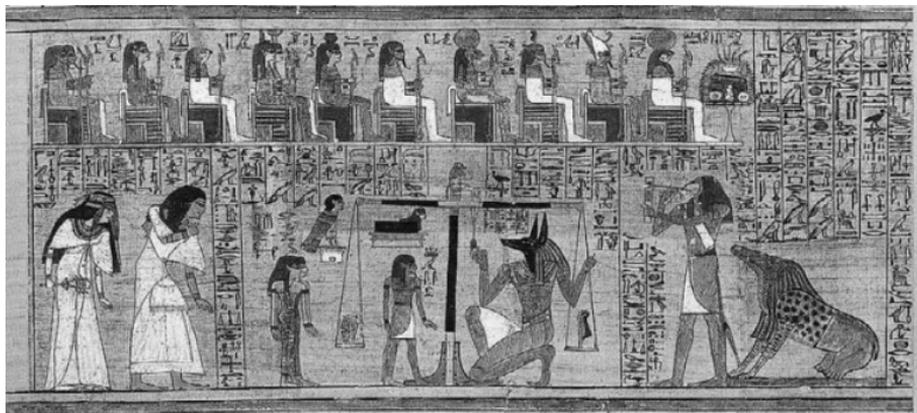
шарира. «Шарира» означает «одежда», «одеяние». *Прана шарира* – это «проводник» жизни, жизненной энергии, которой мы можем обладать. Древние психологи говорили, что в зависимости от момента дня, от астрологических позиций этот «проводник» может изменять свою силу, свой потенциал.

И, наконец, последнее – *штула шарира*, или физическая часть, о которой я уже говорил, та, которую можно ударить, та, до которой можно дотронуться, которая составляет то, что мы могли бы назвать физическим телом.

Таким образом, очевидно, что древние индийцы имели более углубленное понимание психологического аспекта человека, чем мы сегодня. Они также изучали все то, что сегодня известно как комплексы, фрустрации и т. д., но не с позиций современного психоанализа, а с позиций психосинтеза – пытаясь синтезировать все психологические элементы, с тем чтобы открыть единство, фундаментальный закон, который управляет человеческой психикой. То есть это было не обособленное исследование отдельных явлений, а открытие законов, обуславливающих и направляющих психологические явления.

Представители другой восточной культуры – китайцы – придерживались дуалистической системы, основанной на *Инь* и *Ян*, двух противоположных силах, находящихся внутри нас и чередующихся в Природе. Инь и Ян изображались вписанными в круг фигурами, напоминающими запятую, в

центре которых находилась точка. Получалось, что внутри «белого дракона», как они его называли, находилась черная точка, а внутри «черного дракона» – белая точка. В этом смысле китайцы всегда были практичны и, также как индусы, никогда не отделяли метафизическую часть от физической. Вспомним, кроме того, что в Индии существовало понятие *Нирваны* (санскр.), или *Ниббаны* (пали), которое означало «удалиться от мира». «Ванна» означает «лес». Таким образом, «Нирвана» означает «выйти из леса» или «отказаться от леса», оставить множественный мир, удалиться в мир единства, в мир, который лежит за пределами формы, меры и веса.

Суд Осириса.

Если продолжить наше небольшое путешествие по древнему миру, мы обнаружим, что египтян тоже очень волно-

вала та область, которую сегодня мы называем психологией. К примеру, на *папирусе Ани*, который находится в Британском музее и который я изучал месяца два назад, в сцене *взвешивания сердца* покойного изображены семь «проводников» – так же как и у индийцев, но в иных проявлениях. Рядом с весами, на которых взвешивают сердце покойного, нарисовано семь фигур. Одна фигура – очень большая, размером с богов, изображенная многоцветием красок, – это египетский *Атму*, Папирус Ани, Древний Египет духовная часть, та часть, которая сопоставима с богами. Перед ней – птица, которая символизирует душу. Душа отождествлялась с птицей *Бенну*, или той частью души, которая может вознестись. Под птицей две женских фигуры – одна облаченная, другая обнаженная, – которые обозначали двойственность ума, что мы также видим в Индии. И впереди, еще ближе к месту суда, мы видим другие фигуры: например, изображение человека, которое является психическим двойником *ка*; сердце, представляющее жизненную энергию. И, наконец, прямоугольный камень с человеческой головой, *хат*, обозначает физическую часть. Таким образом, здесь присутствуют все семь принципов.

Египтяне обладали глубокими познаниями в области психологии и парапсихологии. Если бы мы могли осмыслить их, если бы мы смогли без предрассудков отнестись к их папирусам, мы бы поняли, что им удалось достичь в этой области невероятных высот – в такой мере, что жрецами и их уче-

никами совершались многие врачевания, многие «чудеса», назовем их так, а знание того, что мы сейчас называем парапсихологией, было чем-то абсолютно нормальным. Правда, сегодня изучение их наследия, их трудов привело к появлению фантастических концепций: к примеру, есть гипотеза, что большие камни при строительстве пирамид и храмов они передвигали лишь при помощи силы разума. До нас не дошло никаких доказательств того, что они делали это именно так. Скорее всего, они использовали разного рода механизмы, и хотя следов этих механизмов не осталось (это будет темой другой лекции), тем не менее, это говорит о силе разума, о силе души.

Если мы обратимся к Греции, то обнаружим корни самого слова «психология» в мифе об Эроте и Психее. В этом мифе фигурируют два божества: Эрот – крылатое существо, посещающее Психею, и Психея – юная женщина, которая может жить с этим крылатым Эротом – Эротом Птеросом, символом души, – лишь тогда, когда он для нее невидим. Сюжет этого мифа очень краток. В нем говорится о том, что Психея влюбилась в невидимого бога, и этот невидимый бог посещал ее по ночам, в темноте. Это был Эрот Птерос, который запретил ей пытаться его увидеть, узнать, кто он на самом деле. Но Психея, любопытная, как все женское, то есть та часть, которая присутствует внутри каждого из нас, хотя любила его и очень боялась потерять, однажды захотела узнать, как выглядит тот бог, который приходит к ней по ночам. И

когда он заснул, она зажгла лампу и поднесла к нему. Сраженная его красотой, потрясенная крыльями у него за спиной, она уронила лампу и обожгла его. Он проснулся, вновь вознеся на Небо и больше не вернулся никогда.

Это аллегория человеческой души, которая в своих метафизических исканиях пытается, и порой довольно грубо, проникнуть в высшие тайны, и расплата за такие попытки состоит как раз в том, что эта Тайна остается для нас недоступной.

Греки представляли душу в виде бабочки, поскольку, как и все народы древности, верили в реинкарнацию, и бабочка была прекрасным ее символом. Вы ведь знаете, что бабочка в коконе – это крошечный червячок, обмотанный нитью, который впоследствии расправляет крылья и летит, откладывает яйца и потом умирает и т. д., то есть совершает цикл. Символ бабочки порой также связывался с лампой: бабочка, подлетев слишком близко к зажженной лампе, опалает свои крылья и падает.

Все народы древности без исключения, в том числе ранние христиане, придерживались теории реинкарнации. В понимании древних народов единственной жизни, единственного человеческого воплощения, в облике мужчины или женщины, недостаточно для удовлетворения потребностей души и даже для удовлетворения психологического любопытства. И это психологическое любопытство, эти потребности души будут создавать семена, причины новых возвраще-

ний в мир до тех пор, пока полностью не будет утолена жажда опыта, жажда любознательности, жажда развития. И лишь тогда может прийти освобождение от мира, то есть то, что на Востоке называют *Нирваной*, а греки именуют *Эпоптейей*, – способность уйти от материального мира.

Больших высот в вопросах изучения души, особенно в ее общественном и характерологическом аспектах, достигли римляне. Гражданин Рима, человек, по преимуществу склонный к организованности, массовости, объединению, политике, пытался рассматривать это явление как феномен скорее коллективного, нежели чисто индивидуального порядка, что несколько более отвечает современным подходам. Это можно обнаружить и у Плутарха в его «Сравнительных жизнеописаниях», и у многих авторов школы стоиков: описываемые явления, касающиеся вопросов души, рассматриваются как с позиций общих для всех людей, так и в плане индивидуальном.

Римский философ, как правило, не задерживается на описаниях Бога, но не потому, что он атеист (ни в коем случае!), а потому, что он считает, что Бог – это нечто самоочевидное, это то, что мы не в состоянии ни изменить, ни принудить, ни остановить; что наша задача в том, чтобы познать самих себя, как говорил Сократ, и, более того, овладеть собой. Тонкое различие психологической мысли Греции и Рима состоит в том, что греки делали упор на необходимость познать самого себя, а римляне – на то, чтобы овладеть самим собой

и стремиться к совершенству психологических взаимоотношений с окружающим миром. Стоики как бы говорили: «Если причина того, что с тобой происходит, находится вне тебя, о чем тебе беспокоиться, коль скоро ты не можешь этого изменить? Если причина того, что с тобой происходит, внутри тебя, и ты в состоянии с этим справиться, о чем тебе беспокоиться, коль скоро ты можешь это решить?» Философия стоиков, на которую наложил отпечаток некоторый цинизм греков, также пытается представить душу в качестве некоего посредника между явлениями объективными и явлениями чисто субъективными, при этом обладающего как человеческими качествами, так и практическими функциями.

Обратившись к неоплатоникам Александрии и Пергама, мы обнаружим возврат к греческому подходу – то есть к психологическому индивидуализму, когда, по-прежнему признавая платонические архетипы, признается, прежде всего, значимость собственного «Я».

И сегодня мы, живущие в XX веке, здесь, в этом тихом саду в Лиме, задаем себе вопрос: что ценнее всего из того, что мы видели, и что ценнее всего из того, что мы можем видеть? За пределами любопытства – того любопытства, что привело к падению лампы Психеи, того любопытства, что опаляет крылья символических бабочек, – мы должны думать о том, что мы можем почерпнуть из древних времен и что мы можем почерпнуть из современности. Почему я читаю эту лекцию, а вы ее слушаете? Что в этот момент нами движет?

В этот момент нас что-то объединяет, мы обсуждаем вместе одну тему. Сегодня мне суждено говорить, а вам – слушать, в другой раз, возможно, кому-то из вас предстоит говорить, а я буду слушать.

Но что же нами движет в этот момент? Что нас объединяет здесь, в этом саду среди деревьев, в этом городе? То, что нас объединяет, является старой-старой, очень старой проблемой, стоявшей перед всеми людьми во все времена: греческое *tiosce te ipsum*, «познай самого себя». Сегодня мы испытываем настоятельную потребность познать самих себя.

Очевидно, что окружающий нас мир – мир давящий и сводящий с ума. Ни вы, ни я не одеваемся, как нам хочется, не едим то, что хочется, не путешествуем, как захотим. Напротив, мы одеваемся, едим, путешествуем и читаем то и так, что и как навязывает нам окружающий мир посредством моды, обычаев, традиций, посредством отупляющей пропаганды, которая ложится на нас тяжким грузом. Мы беремся читать самую нашумевшую книгу, идем в кино смотреть фильм, потому что его рекламируют красивыми фотографиями в газете или потому что кто-то сказал, что он очень хорош: «Обязательно посмотрите его, не пропустите!» Так нас ведут, и так наша индивидуальность оказывается раздавленной под ногами этого огромного мамонта – современного общества. Общества, подобного машине. Общества, подобного огромному зверю, который атакует нас день за днем, и в результате у нас практически нет никакой возможности

иметь собственные идеи ни в области религии, ни в области философии, ни в политике, ни в социальной сфере. В каждом уголке этого мира люди в той или иной мере страдают от разобщенности, испытывают давление на себя. Те, кто на одной стороне, говорят: «Это они под давлением», те, кто на другой стороне, говорят: «Нет, под давлением не мы, а они». Но на самом деле все мы под гнетом.

Сегодня очень полезно вновь обрести путь к тому, чтобы познать самого себя, но также очень полезно найти римский путь – «овладей самим собой», поскольку мы не только должны познать себя, как музейные экспонаты, как нечто совершенно неподвижное, статичное, но должны познать себя и начать действовать. К чему знать о том, как водить машину, если не можешь тронуться с места? К чему знать о том, как включать телевизор, если не можешь настроить разные каналы? Точно также, к чему познавать самих себя, если это знание не приведет к его практической реализации, а именно к возможности делать что-то на благо человечества и на благо нас самих?

Это именно то, что предлагает «Новый Акрополь»: познать самих себя. Мы не игнорируем современную психологию, мы знаем, что многим современным психологам мы обязаны важнейшими открытиями. Но надо также учитывать, что современные психологи жили или живут все в том же нашем веке, разобщенном и разобщающем, сумасшедшем и сводящем с ума. К примеру, Фрейд прав, утверждая,

что в нашей душе существует целый ряд сексуальных символов. Но он не прав, когда практически делает вывод, что любая символика имеет в своей основе сексуальные корни. Мы также не можем принять концепцию предопределенности учеников Фрейда, например, Юнга, который говорит, что чайка, умирая в воздухе и падая на песок, в предсмертный миг рисует крыльями рисунок, который уже был задуман и исполнен на этом же самом песке с начала времен. Иными словами, мы обнаруживаем, что для всех этих психологов были характерны предельные, экстремальные оценки и выводы.

Идея «Акрополя» состоит в том, что необходимо вновь собрать, синтезировать многие ценности, ценности незапятнанные, древние, соединяя и сопрягая их с современными ценностями, чтобы возродить знание подлинной психологии. Это знание поможет нам познать самих себя, овладеть собой и окружающим миром, постичь принципы внутренней свободы и независимости, то есть той свободы и независимости, которые представляют наибольшую ценность для человека, поскольку без них остальные ценности ничего не стоят.

Наша акропольская идея состоит в том, чтобы каждый мужчина, каждая женщина могли иметь возможность – через наши курсы, наши лекции, наши библиотеки, которые в вашем распоряжении во всех странах, где есть «Новый Акрополь», – открыть то, что будет представлять ценность для них, ценность не только теоретическую, но и практическую,

конкретную, здесь и сейчас. Не только для того, чтобы говорить о любви или братстве со всеми людьми в мире, но и для того, чтобы любить соседа, брата, друга. Ведь мы больны всяческими теориями, и получается, что пока мы все кричим: «любовь», «согласие», «мир», «давайте любить африканцев», «давайте любить азиатов»... мы тем временем бросаемся камнями друг в друга.

Нужно начать с того, чтобы овладеть практической психологией согласия и сосуществования, познать самих себя, познать и попытаться понять: когда эти внутренние голоса звучат в нас, какая часть нас говорит в этот момент? Разве один и тот же голос в одних случаях призывает нас помочь бедным, а в других – совершить какой-либо вредный или эгоистический поступок? Разве один и тот же голос побуждает нас есть и побуждает молиться? Разве один и тот же голос ведет нас к другу и к врагу? Очевидно, что внутренне мы не едины, не однородны. Мы едины абстрактно, но в психологическом смысле мы пребываем во внутреннем конфликте, который отражается во внешней нестабильности. Иными словами, различные грани и оттенки нашего поведения являются не чем иным, как выражением внутренней борьбы и внутренней нестабильности. Отсюда следует, что мы должны попытаться найти ту часть нас самих, которая главенствует над остальными и отвечает за внутреннюю гармонию, и управлять ею. Ту часть, что могла бы проявляться в правильном образе жизни, таком образе жизни, который не воспри-

нимался бы как самопожертвование, как страдание, но был бы поистине правильным и достойным и понимался и ощущался бы как нечто совершенно естественное.

Я вспоминаю, как год назад был в Лиме во время той знаменитой забастовки полицейских, в результате которой произошло столько грабежей. Что же получается, люди честны лишь потому, что есть полицейские с револьвером на поясе? И значит, нам необходимо больше знать о себе и о других, чтобы мы не были добрыми и честными лишь тогда, когда есть полицейские на улице. Мы должны быть добрыми и честными не вследствие давления окружения, не из-за угрозы физической силы; мы должны быть добрыми и честными по самой природе нашей души.

Поэтому мы предлагаем мир, где нет нужды в таком давлении извне. Мы предлагаем мир, где человек сможет владеть собой, и начать создавать такой мир мы можем здесь и сейчас. «Новый Акрополь», организация, не преследующая коммерческих целей и действующая в 14⁴ странах, пытается пробудить это стремление у тысяч и тысяч человек, и я приглашаю вас здесь, в Лиме, отправиться вместе с нами в это философское приключение.

Лима, 1976 г.

---

⁴ Сейчас «Новый Акрополь» действует более чем в 50 странах мира. – Прим. ред.

Символизм храма

Антон Мусулин, президент ассоциации «Новый Акрополь» на Украине

Отношение человека к трансцендентной реальности во все времена выражалось в его желании возвыситься, подняться в ту область, которая превосходит обычное физическое существование, и – с другой стороны – в его способности воздвигать храмы, склонять голову и преклонять колени перед величием того, что открывалось его внутреннему взору.

У нас нет права утверждать, что храмы какой-либо одной эпохи или культуры лучше, чем остальные. Алтари и стены, воздвигнутые десять тысяч лет назад, не менее ценны, чем возведенные сегодня. Мы также не можем утверждать, что одна религия лучше другой. Просто каждая религия является особой формой выражения религиозно-философского Эроса – интимного чувства единства со всем, что нас окружает. Религиозность – это потребность не в физическом хлебе, а в насущном хлебе духовности, это любовь к Вечности, к Тайне, с которой можно встретиться лишь в своем сердце и которая, подобно земной любви, может быть более глубокой или менее глубокой.

Интуитивное восприятие бесконечности, преломляясь через призму той или иной религии и приобретая форму и облик символического характера, превращается в храм – образ присутствия вневременного во временном, бесконечно-го в конечном.

Каждый народ, каждая эпоха открывали и подчеркивали одну из граней трансцендентности, одну из множества форм проявления и выражения Слова-Логоса, который во времени-пространстве символов превращается в священные предания, объясняющие происхождение макрокосмоса и микрокосмоса, и в путь, соединяющий человеческое и божественное.

В индуизме храм подчеркивает идею многообразия и пышности жизни, танцующей над водами материи; в эллинском мире он воплощает идею гармонии и соразмерности, присущих Космосу; в христианстве храм призывает к любви и смирению; в исламе он говорит о невозможности выразить беспредельность посредством форм, созданных природой; египетский храм свидетельствует о монументальности непреходящей реальности.

Храм говорит о Космосе и о пути, он – образ того и другого, их земное отображение.

Подобно тому как в платоновском мифе о пещере узники пещеры принимают тени, отбрасываемые реальными объектами на ее стены, за саму реальность, мы часто принимаем символы – знамения трансцендентности и беспредельности

– за самую беспредельность, забывая, что они являются лишь отражениями, которые напоминают о существовании иного и открывают к нему дорогу.

Между символами и тем, что за ними скрывается, существует путь напряжения и роста, ведущий от образа к его причине, от мифа о солнечном герое к реальности солнечной дороги, от наблюдения неба к самому небу, от храма снаружи к храму внутри.

Дорога воспоминаний

Итак, храм говорит о том, как люди представляют божественное, и одновременно является напоминанием о нем. В древнегреческой мифологии Музы, дочери Мнемосины – богини воспоминаний, олицетворяют все то, что позволяет человеку вспомнить забытое, возобновить свои воспоминания о Вечности, о существенно важном и подлинном. Вид храма, изображения внутри него, слова молитвы и безмолвие, запах ладана – все это, как линза, фокусирует наше сознание и направляет течение наших мыслей и чувств, ведя к самоуглублению, к созерцанию того, что выходит за пределы обычного и преходящего. В душе, хотя бы на мгновение, вспыхивает искра внутреннего света; душа просыпается и отождествляет себя с иным. Из ее поля зрения исчезают образы мирских, внешних вещей, их место занимают знамения зова. Вспомнить – значит возвыситься, оживить и за-

действовать спящие способности души, вернуться к самому себе. Стремление ввысь и вглубь – это сущность религиозности, это основная доминанта храма, небом которого является его свод, а дорогой к небу – путь, ведущий от входа к святилищу, в святая святых, в скрытое сердце храма.

В этом аспекте храм напоминает о некой другой жизни, напоминает о небе – внешнем и внутреннем, потому что душа каждого человека имеет свое небо и свою звезду спасения на нем. Символическое пространство-время храма позволяет человеку воссоздать внутри себя пространство-время общения с божественным, встречи с сильной, возобновляющей и поддерживающей жизнь мощью.

Иное пространство

Согласно неоплатоникам, в человеческой душе присутствуют два Эроса, два типа стремлений: один ведет к удалению души от Блага и погружению в материальный мир, другой возвышает ее к Благу и очищает от всего преходящего. Соответственно, пространство-время с точки зрения религиозности может быть удаленным от Бога или близким к Богу – мирским или священным.

Мирское пространство – это «обычное», однородное и монотонное пространство горизонтальных движений, где места и сооружения не отличаются одни от других, одинаково чужие и близкие, в равной степени человеческие, земные.

Мирское пространство подобно лесу, в котором легко потеряться и откуда трудно выйти. Если, идя по жизни, смотреть только под ноги, не поднимая головы к небу, то лес обыденного для нас, путешественников, становится дремучим лесом. И в этом лесу в один «прекрасный» день мы можем превратиться в неподвижных полуспящих существ, подобных растениям, в существ, которые отмеряют течение времени лишь появлением новых колец, все сильнее отделяющих внутреннее от внешнего, кору жизни от ее сердцевины; существ, у которых стремление расти в ширину преобладает над стремлением вертикализировать, облагородить свое существование.

В отличие от обычного пространства – пространства повседневных мирских забот, которым не видно начала и конца, где каждый занят своими делами, не имеющими ничего общего с идеей универсального и космического, где человек является мерой вещей, – священное пространство можно определить как сильное, заряженное смыслом. Кроме того, оно является центром эманации смысла. Роща, река, гора, храм, город и даже страна, получая статус священного места, обретают и то, что отличает их от слабого пространства: способность притягивать и объединять мысли и чувства людей вокруг сердца священного пространства – идеи присутствия иного в обыкновенном.

За порогом обыкновенного

Священное и мирское отделены друг от друга. Одно является владением Бога, другое – территорией человека; одно – пространство стремления возвыситься духовно, другое – пространство преходящих стремлений и желаний.

Идея границы присутствует в словах *templum* и *temenos*. Оба эти понятия произошли от индоевропейского корня *tern* («отсечь, ограничить, разделить»).

Первоначально слово *templum* означало ту часть неба, которую жрец очерчивал своим жезлом, изучая явления природы и полет птиц, а позже так стали называть и то священное пространство, в котором происходил ритуал наблюдения. Греческое слово *temenos* означает участок земли, посвященный божеству, священную рощу или какое-либо другое ограниченное священное пространство, которое нельзя осквернить.

Переступая порог храма, линию, которая и разделяет, и соединяет мирскую и священную реальности, верующий совершает переход из одной плоскости бытия в другую. Входя в храм, мы всегда входим в другое время и пространство, сбрасываем с себя груз повседневности и малых человеческих забот, ожидающих нас за порогом храма.

Вступив в храм, в вечно юное, возобновляющее и очищающее душу пространство символов, мы вступаем на внут-

ренную дорогу, дорогу молитвы и созерцания. Храм не только место диалога и встречи с божественным, он место переосмысления и «взвешивания» души, узнавания своих грехов – но не искупления их: грехи искупаются в том пространстве, в котором они совершены.

Выйти из храма значит снова вернуться в «страну заката», в темное и грешное пространство. В Кирилловской церкви (в Киеве) об этом говорят сцены, изображающие грехи и соответствующие им страдания, которые душа испытывает в аду. Во Владимирском соборе это сцена Страшного суда, которая находится над дверями внутри храма. На ней доминирует фигура Черного ангела, наводящая на размышления о смерти физической и смерти духовной, о возможности исчезнуть для Вечности, которая не вмещает в себя ничего, что не обладает ее природой.

Мирское пространство, находящееся по другую сторону порога, олицетворяет Хаос, или Бездну, которая существовала, когда еще ничего не было. В начале «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водами» (Быт.), и потом в течение шести дней Бог создал мир, который является его владением. В результате творческого акта внутри хаоса – «безвидного» и текущего пространства изначальных вод – появляется свет, который Бог отделяет от тьмы, твердь, разделяющая верхние и нижние воды, и суша – опора жизни. Таким образом, сотворение является одновременно разделением пустоты и полноты,

возможного и осуществившегося. На человеческом уровне творческий акт самосотворения есть переход от пустой, лишённой света и опоры жизни к жизни осмысленной, созидательной новой жизни. Мудрость порождает новую мудрость, а любовь преумножает саму себя. Лишь дух, парящий над водами преходящей жизни, может создать внутри нее первый остров стабильности, остров огня, который в египетской мифологии символизировал творца вселенной и ее метафизическую опору.

Обращаясь к божественному, человек творит во имя божественного и подражает ему. Создание храма есть создание собственного мира, отделение космоса от чужого, «пустого» пространства.

Пространство чистое и стабильное

В отличие от мирского, священное пространство, каким является храм и прилегающая к нему территория, — это чистое пространство. Поэтому вхождение в храм всегда сопровождается обрядом очищения, который с обретением права продвижения вглубь храма становится все более строгим. Священные предметы, все то, что хранится внутри святыни, доступно лишь жрецам — тем, кто ведет чистый образ жизни. Согласно Геродоту, египетские жрецы совершали обряд очищения четыре раза в сутки в прудах или в реке, независимо от погоды и времени года, и таким образом

ежедневно подтверждали свое право войти в храм.

Осквернение храма – одно из самых страшных преступлений, которые может совершить смертный.

И с другой стороны, храм – это место, где не действуют законы, установленные человеком. Это территория, находящаяся во владении и под покровительством Бога. Быть гостем божества всегда означало находиться под его покровительством, как это и полагается согласно законам гостеприимства.

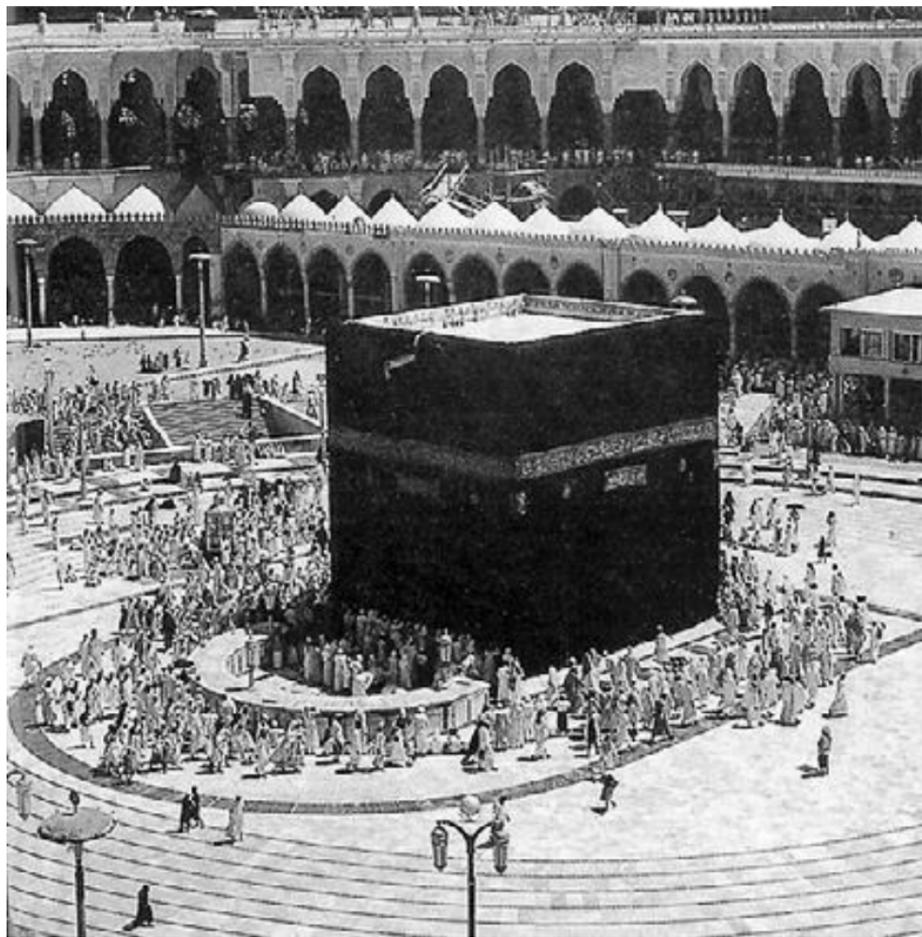
Алтарь, священные писания, статуи, иконы, изображения, символизирующие присутствие божественного, обряды очищения и жертвоприношения, форма самого храма и его ориентация – все это отделяет и ограждает храм от мирского, нестабильного пространства, делает его иным.

Будучи территорией иного порядка, пространство храма устойчиво, в определенном смысле неизменно. Хотя с течением истории его форма и некоторые внутренние элементы могут трансформироваться в зависимости от изменения второстепенных религиозных представлений и идей, в храме есть то, что остается неизменным на протяжении всей истории той или иной религии и без чего ее невозможно мыслить как таковую.

Необыкновенное

Храм трудно назвать обыкновенным местом. Он может

быть построен из обычных материалов, быть большим или маленьким, находиться вне селения или в его центре, иметь или не иметь исторического значения, представлять предмет интереса для ученых и искусствоведов или же нет, – все это не определяет его важность и необыкновенность для религиозного человека.

Кааба, Мекка

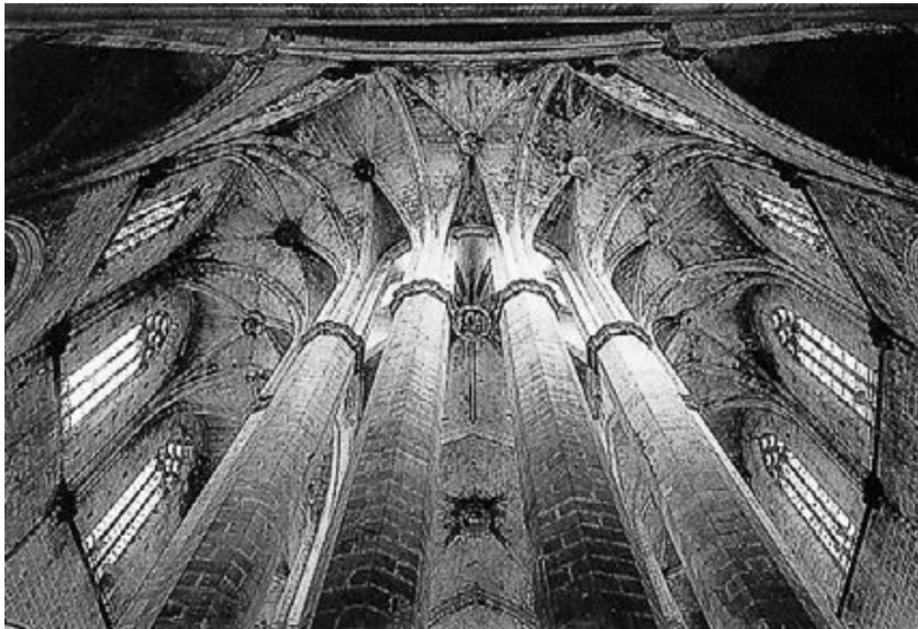
Императорский трон в дворцовой капелле Ахенского собора, Германия

Индуистский храм в Пном Кулене, Камбоджа

Храм Надписей, Паленке, Мексика

Свод готического собора

На земном шаре есть места, в которых мы всегда можем чувствовать себя как дома. Есть сооружения, где двери всегда открыты и где мы, не стесняясь, открываем двери своего сердца, чтобы там, в своей душе, найти необыкновенное и встретиться с ним. Быть может, так происходит потому, что все то, что олицетворяет храм, мы изначально и всегда несем внутри себя, хотя лишь изредка заглядываем в тот уголок нашего существа, где нет богатых и бедных, рабочих и врачей, выбирающих и избранных, нет национальностей и вероисповеданий. Там нет ничего, кроме напоминания о Боге

и гуманности, о зове и поиске. Там, глубоко внутри нас, живет частица Вечности, частица Бесконечности. Входя в храм, мы переступаем порог, который во внешнем и во внутреннем пространстве разделяет преходящее и трансцендентное. Мы создаем коридор, соединяющий внешнее пространство храма с внутренним жилищем Бога.

Центр мира

Человек традиционных обществ всегда стремился жить в сильном пространстве, в пространстве иерофании – присутствия священного. Оно было для него точкой отсчета, символом истоков, начала времени, местом, откуда начинаются и куда ведут все дороги.

Сакральное пространство-время связано с идеей восхождения, проникновения в центр, возвращения к истокам.

Все дороги ведут к храму, сходятся в центре – в точке, оправдывающей существование окружающего ее пространства. Подобно тому как Создатель является центром всех центров, точкой эманации света и жизни, храм эманрует сакральность и притягивает, концентрирует вокруг себя стремление людей к святости. После обычных, мирских дней во время праздников, дающих возможность внутреннего возобновления, очищения от исторического времени, потоки людей устремлялись к месту встречи преходящего и непреходящего, человеческого и божественного – к храму.

Будучи центром, храм является местом совпадения противоположностей: жизни и смерти, видимого и невидимого, слова и безмолвия, ощущения ущербности и чувства наполненности души смирением и благоговением.

Строительство храма равноценно воссозданию собственного мира – мира, в котором невозможно потеряться, ибо в нем есть ориентиры и всегда известно, куда идти и как вернуться домой. По сути, движение в освященном пространстве всегда является уходом из храма или возвращением в храм. Храм всегда находится в центре города, в самой высокой его точке.

Идея центра – это основная идея храма. В разные времена эта идея выражалась по-разному: ее могли олицетворять колонна, столб, лестница, гора, дерево и, конечно, храм.

Палестина, Иерусалим, Голгофа – это страна, город и мировая гора, являющиеся центром христианского мира. Согласно мифам, под Голгофой погребен Адам, на ней был распят Христос. В этом аспекте она соединяет первородный грех и искупление, начало человеческого пути и его конец. Качества центра присущи и Иерусалиму – городу, который, согласно традиции, не был и не мог быть разрушен водами Потопа, ибо сохранение центра равноценно спасению мира.

Существует легенда, согласно которой Киев погибнет тогда, когда разрушится мозаика Софийского собора. Всякое разрушение храма является, в каком-то смысле, и разрушением, концом мира. Уничтожение храмов после 1917 года

знаменовало конец сакральности. Это были времена потопа, эпоха, когда воды иррациональной и анимальной природы человека унесли не только многие жизни, но, прежде всего, чувство чести и религиозность, во все времена являющиеся опорой нравственности.

То, что не обладает центром, с точки зрения трансцендентности не существует. Оно подобно изначальному Хаосу, бесконечному морскому пространству, где все направления равноценны и все движения одинаково ведут в никуда.

Эпоха без храмов и без стремления к возвышенному рушится и дробится под своим собственным весом, ибо нет того, что могло бы собрать и соединить в единое целое разрубленное на части тело бога Осириса – тело живой духовности. Жизнь, в которой нет стремления к центру, растекается как вода, как туман, как мрак, который поглощает все и делает все одинаковым. Мрак неведения не имеет источника, во мраке все равны и все в одинаковой мере окружены темнотой. В мире без духовности, без точки отсчета, неизменной и неподвижной, как Полярная звезда, доминирует мораль личной выгоды и личной власти.

Сегодня наступили времена реставрации, переосмысления истории и искупления грехов наших предков. Мы находимся на дороге воспоминаний и возвращения к истокам. Хотелось бы, чтобы этот путь стал и возвращением к сердцу: к способности выбирать сердцем, отдавать от сердца, общаться сердцем и смотреть на мир глазами сердца, – а не пе-

реходом от одной формы материализма, агрессивной и открытой, к другой, более тонкой, растворяющей душу.

Изначальность храма

Относительно центра, символа Первопричины, все существующее является светлым или темным, сильным или слабым – близким или удаленным от центра. Таким образом, центр создает иерархию сил внутри миропорядка, определяет взаимосвязь и взаимоотношения его частей. Центр мира является центром не только с точки зрения пространственных координат – он также находится у истоков времени. Центр делает нечто более или менее древним.

В христианстве рай и Небесный Иерусалим созданы одновременно, и каждый христианский храм представляет и воплощает на земле Небесный Город. Внутреннее пространство храма олицетворяет Эдем с четырьмя реками, определяющими структуру и границы Эдемского сада, в котором Господь Бог сотворил Адама, первого человека. В Эдеме произошло падение человека, там растут древо Познания добра и зла и древо Вечной Жизни. Рай, врата которого охраняет ангел с огненным мечом, олицетворяющий тайны Божьи, – это начало пути и конец пути. Возвращаясь в храм, верующий возвращается в чистое, не знающее греха пространство-время, чтобы вкушать там плоды с древа Познания и древа Вечной Жизни, чтобы лицезреть тайны. Ухо-

дя из храма, человек повторяет падение Адама, ибо мирское пространство является пространством падений и испытаний. Человек покидает центр мира – и рай, и Иерусалим, место Тайной Вечери, место смерти и воскресения Христа. И не только, ибо храм есть тело Христово.

Согласно традиции, Кааба – главное святилище ислама, а в древности языческий храм, посвященный Венере, – была создана на небесах до начала мира. Ее земное отражение построил Адам, но во времена Потопа оно было разрушено, и затем его воссоздал Авраам. Таким образом, Кааба – первое святилище, созданное на земле до Потопа и после Потопа, в первом случае – родоначальником всего человечества, во втором – отцом арабов и евреев, основателем единобожия.

В Древнем Египте план, единый для всех храмов, своими корнями восходит к небесной модели, разработанной в начале мира Богом-Творцом. Надпись на храме в Эдфу гласит, что дом божества, владыки этого города, был построен по правилам «Книги основания храмов первой энеады», как и все другие, построенные до него. Кроме того, каждый храм имеет своих предков, предшественников, которые до него стояли на том же месте, и каждый свою генеалогию прослеживает до начала сотворения мира, к временам возникновения изначального холма. Этот холм и есть первый храм, первое жилище бога Татенена – «Поднимающейся земли», создателя и первой суши, и первого храма.

Образ мира

Если жилище души и символ ее деяний – это сердце, то жилище Бога и образ созданного им мира – это храм. Он является копией небесной модели – первого храма, первого священного пространства, и его возведение соответствует сотворению Космоса. Архитектор, мастер, создающий храм, в каком-то смысле имитирует деяния Бога, сам превращается в демиурга. Строительный материал: камень, дерево, обожженная глина – эквиваленты хаоса – под воздействием его инструментов приобретают форму, а само строительство становится актом жертвоприношения и самосотворения. И поэтому строительство храмов всегда требовало не только знания основных наук, которые изучались еще в Академии Платона – арифметики и геометрии, музыки и астрономии, – но и обладания глубоким мистическим чувством, тем, что позволяло вдохнуть душу в тело храма.

Если при строительстве мастер повторяет деяние Бога, то человек, участвующий в литургии, символически делает то же самое по-другому – он воссоздает храм внутри себя.

Храм как образ макрокосма и микрокосма, мира и человека должен существовать в трех плоскостях. Он имеет свое небо, свою землю и свой подземный мир – свои дух, душу и тело. Свод и алтарь представляют духовный мир – мир архетипов и первопричин; вечное и непреходящее начало в че-

ловеке и в природе; неизменное и необъятное пространство неба – такое же неизменное и необъятное, какой является трансцендентная, духовная реальность.

Между духовным и телесным существует мир движений и перемен, соединяющий эти две плоскости; в храме он представлен пространством, ведущим от входа к алтарю. В человеке это душа с ее радостями и страданиями, победами и падениями, а в природе – земля, горизонтальная плоскость, где существует и развивается жизнь во всем ее многообразии.

Фундамент, вход в храм, его внешний облик олицетворяют тело храма.

В этих трех мирах существует и живет не только храм, но и город. Он имеет свой Акрополь – верхний город, свою Агору – место, где происходит бытовая и политическая жизнь общества, и свой Некрополь – мир подземный. В этих мирах движется и человеческая душа – она нисходит с неба на землю и восходит с земли на небо. В течение ее земной жизни аналогом этого процесса является движение из храма в мирское пространство и обратно в храм, в центр мира и место встречи любящих друг друга Бога и Человека.

Когда мы влюбляемся, нам трудно объяснить, откуда и почему возникают эти глубокие чувства, облагораживающие душу. Мы влюблены, и, поглощенные необыкновенным, прекрасным, мы готовы преодолеть все моря и горы, чтобы встретиться, дотронуться до руки любимого человека. В этом состоянии мы забываем себя и свои маленькие жела-

ния, отрываемся от земли, испытывая и счастье, и боль.

Подобные чувства возникают у нас не только по отношению к видимой и осязаемой реальности. Даже в видимом мы любим невидимое – внутреннюю красоту, которая, открываясь нашей душе, делает и нас самих внутренне более красивыми. Как говорит Платон, любовь есть не что иное, как любовь к вечному обладанию Богом; это стремление к бессмертию, способность «забеременеть» духовностью, произвести на свет прекрасное, истинную добродетель, все те блага, которые несет в своем лоне человеческая душа. Беременный божественным человек на протяжении всей истории создавал то, что несло внутри себя воспоминание и напоминание о божественном. Такими напоминаниями являются, в первую очередь, творения, относящиеся к сфере сакрального, – все то, что воплощает идею зова и восхождения смертного к бессмертному, ущербного – к целостности и полноте, бедного светом – к исполненности сиянием света.

Инициативный театр Делия Стейнберг Гусман, президент международной культурной ассоциации «Новый Акрополь» (Лекция)

Рождение театра произошло в тот момент, когда человек стал задумываться о причинах собственного существования, о важности своих взаимоотношений с другими людьми и с Природой, о загадках времени и обо всем, что с ним происходит. С древних времен перед человеком вставало множество вопросов, на которые он не находил ответа. Театр родился вследствие необходимости воссоздать, повторить некоторые события и ситуации, уже произошедшие в реальной жизни, для того чтобы вновь попытаться найти в них глубокий смысл.

Платон говорил, что любое искусство является отражением одной небесной, архетипальной Идеи. Каждое произведение искусства, которое мы создаем в мире материи, является попыткой уловить эту изначальную Идею, Архетип, воплотить ее в конкретной форме. Иногда нам удается приблизиться к ней, увидеть ясно и воспроизвести предельно четко. Часто Архетип остается далеким и недоступным, кажет-

ся расплывчатым и искаженным. Но если вернуться к искусству, в данном случае к театру, самой главной всегда является Идея, отражающая его суть и смысл его существования, и вытекающий из нее вопрос: в чем состоит Архетип театра, какой принцип гармонии отражается в этом творчестве? Ответ прост: театр, как и любой вид искусства, отражает законы и гармонию самой жизни.

Театр всегда пребывает в поисках глубокого смысла и законов, управляющих человеческой жизнью, пытается восстановить давно утраченные связи между земным и Небесным, человеческим и Божественным. Наряду с самыми разнообразными проблемами жизни в нем всегда присутствуют элементы возвышенного: Бог и боги, герои, Судьба. Такой подход изначально предполагает наличие гармонии, и театр призван восстановить ее. Многие писатели, историки, философы обращали наше внимание на то, что люди древности, те, кто участвовали в первых театральных представлениях, были гораздо ближе к богам, чем мы с вами. Некоторые авторы говорят, что они могли воспринимать, почитать богов и жить ими именно благодаря своей утонченности, проницательности, одаренности и чистоте. Другие утверждают, что эта близость к богам была, наоборот, лишь следствием слепой веры, неведения и страха. Кто из них прав, в данном случае не так важно. Важно то, что древние народы ощущали столь сильную близость к богам, что это чувство позволяло людям жить практически в постоянном контакте с ни-

ми. Поэтому нас не должно удивлять то, что в первых театраль­ных представлениях – если их можно так называть, ведь тогда не было ни театров, ни сцен, ни декораций, ни освеще­ния, – все было связано с магическим миром богов. Пер­вые театральные представления были религиозными в самом глубоком смысле этого слова, так как связывали человека с высшей реальностью, с реальностью Божественного. В древ­ности не было ни одного народа, который не имел бы этих исконных божественных Мистерий, этих первых священных таинств, принимавших форму театра, которые являлись по­пыткой воспроизвести на земле то, что когда-то давно про­исходило на Небе.

Как действовали боги, какую роль они играли в великой драме сотворения Вселенной и каким образом мы, люди, мо­жем воспроизвести это, да еще в магической форме? На чем основывался древний театр, если для представлений он не нуждался ни в какой сцене и ни в каких декорациях кро­ме тех, которые давала сама Природа? Он основывался на воспроизведении действий, на магии действия. В каком-то смысле магия присутствует во всем, что нас окружает, и во всем, что мы делаем: в фигурах, порождаемых нашими мыс­лями, в образе Божества, нарисованном нами исходя из сво­их, человеческих мерок, в знаках имени, которое мы пишем, и в звуках произносимого вслух. Магия возникает и когда мы читаем, так как благодаря буквам, написанным или напе­чатым на бумаге, в нашем уме рождаются интересные и

красивые образы. Существует много форм магии, но из них люди древности отдавали предпочтение магии действия. Рисовать, читать, писать – это одно; играть – это нечто совсем другое. Воспроизводя определенное движение, актер пробуждал загадочные исконные магические силы самой Вселенной, сотворение которой также начиналось с одного первоначального движения, родившегося внутри единого великого Абсолюта. Когда к этим движениям, воспроизводимым актерами древности, добавлялась магия слова, магия звука с присущей ей силой призывания Божественного, то получались первые театральные представления, не имевшие иной сцены и иных декораций, кроме леса, луга, неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.